

Т. И. Кимеева, А. А. Насонов, П. В. Глушкова

РЕЛИГИОЗНЫЙ СИНКРЕТИЗМ В ВЕРОВАНИЯХ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ ПРИТОМЬЯ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА

В статье сопоставляются данные общеисторических исследований и результаты изучения на основе материалов музейных коллекций и архивов религиозного синкретизма в верованиях шорцев и бачатских телеутов – коренных малочисленных народов Притомья. Эмпирической базой исследования стали собрания музеев Санкт-Петербурга, Кемерово, Томска, Новокузнецка и других городов. В статье авторы рассматриваются проблематику взаимодействия анимистических верований, шаманского культа, православия и бурханизма в контексте междисциплинарного подхода, опираясь на методологические приемы макро- и микроанализа. В статье акцентируется внимание на особенностях религиозного синкретизма через обобщение исследовательских подходов к пониманию данного явления. Авторы обосновывают применение термина «Притомье» для территории компактного проживания шорцев и бачатских телеутов. На основе историко-генетического метода прослеживается последовательность и степень влияния на традиционное религиозное сознание компонентов мировых религий. В научный оборот вводятся новые источники в виде музейных коллекций и архивов музеев, характеризующие проявления религиозного синкретизма. Авторы приходят к выводу о сочетании в религиозных синкретических формах христианских и бурханистских компонентов, которое в большей степени проявилось у бачатских телеутов. Также авторами определено, что в ходе межкультурного взаимодействия северных шорцев и бачатских телеутов были заимствованы отдельные элементы бурханистских обрядов.

Ключевые слова: *религиозный синкретизм, межконфессиональное взаимодействие, традиционные культы, обрядность, анимизм, шаманизм, православие, бурханизм, музейные собрания, шорцы, бачатские телеуты.*

История изучения религиозного синкретизма насчитывает ни одно десятилетие. Однако, несмотря на обилие и разнообразие работ, данная проблематика продолжает оставаться актуальной для исследователей. Еще на рубеже XIX–XX вв. исследователи перешли от описательной фиксации к аналитической трактовке элементов религиозного синкретизма. Вместе с тем, во второй половине XX в. обозначилась специфика изучения данного религиозного явления в разных, слабо взаимосвязанных и соотнесенных между собой ракурсах: общеисторическом и музейно-этнографическом. В первом случае характеризовались и оценивались наиболее значительные тенденции развития духовной культуры и ее трансформации под влиянием направлений мировых религий, во втором – на основе полевых материалов фиксировались вещественные и нематериальные проявления религиозного синкретизма в традиционных культурах конкретных этносов. Результаты этих двух групп исследований редко соотносились между собой, что объективно снижало перспективы системного понимания религиозных процессов. Данное замечание относится и к проблематике религиозного синкретизма в верованиях коренных малочисленных народов Притомья.

На сегодняшний день исследовательское сообщество пришло к осознанию того, что комплексное понимание такого сложного явления как религиозный синкретизм возможно только на основе применения междисциплинарного подхода. Изучению проблем религиозного синкретизма посвящены работы философов, историков, этнографов, культурологов, психологов и социологов. Безусловно, интерес широкого круга специалистов продиктован спецификой конфессиональной проблематики, имеющей множество аспектов, связанных с особенностями формирования и развития религиозного сознания, социальной сущностью религии и ее институтов.

Ю. В. Гаврилова предлагает трактовать религиозный синкретизм как сложный социокультурный феномен, единство процесса и одновременно результата данного процесса. При этом религиозный синкретизм активизируется под влиянием как внутрисистемных причин,

так внешних факторов (Гаврилова, 2015: 15). Выявление причин и условий появления религиозного синкретизма отражено в публикации Д. М. Латышева, который приходит к выводу, что «религиозный синкретизм есть состояние межрелигиозного взаимодействия, в процессе которого формируются базовые понятия и концепции новой религии» (Латышев, 2016: 303). По мнению Ю. В. Педро, религиозный синкретизм является многоуровневым явлением, состоящим из этапов «поглощения, преобразования и структурирования качественно отличной системы верований, элементами которой выступают как новые представления, так и ставшие сакральными образы и символы» (Педро, 2013: 293). О. М. Хомушку, рассматривая историческую форму религии как сложную самоорганизующуюся систему, использует понятие «синкретизация», которая, по мнению исследователя, сопровождает процесс видоизменения, приспособления религии к меняющимся условиям (например, смене образа жизни народа). В результате формируется религиозный комплекс, состоящий из нескольких разновременных пластов (Хомушку, 2013: 490).

В целом, одна из самых распространенных сегодня трактовок характеризует религиозный синкретизм как универсальный механизм происхождения и эволюции любой религии. Обобщая данные исследований, можно констатировать, что современные специалисты-религиоведы сходятся в том, что для религиозного синкретизма свойственны процессы взаимодействия и взаимовлияния разных религиозных систем, результатами которых является синтез разнородных элементов в разных комбинациях в структуре религиозного сознания.

Задача сопоставления результатов исследований различных наук по тематике религиозного синкретизма является достаточно сложной, поэтому не может быть решена в рамках одной статьи, для этого, как представляется, необходима реализация масштабного научного проекта. Однако отдельные лакуны можно восполнить на основе междисциплинарного сопоставления результатов общеисторических исследований и изучения материалов музейных собраний. В этом контексте общеисторические процессы могут быть рассмотрены с позиции макроанализа, поскольку они включают глобальные тенденции и факторы распространения мировых религий, их воздействие на традиционные комплексы верований, а черты традиционной культуры и ее трансформаций, зафиксированные в музейных собраниях, могут быть проанализированы на основе микроанализа, поскольку отражают синкретические формы повседневности, сезонной обрядности и обряды жизненного цикла.

Соотношение данных макро- и микроанализа религиозного синкретизма с методологической точки зрения наиболее продуктивно на основе использования историко-генетического и структурно-функционального методов. Первый из них позволяет проследить последовательность возникновения элементов традиционного религиозного сознания и взаимодействия с ним более поздних компонентов других конфессий, а второй – системные связи элементов религиозно-синкретических форм.

Целью данной статьи является выявление наиболее существенных тенденций и особенностей развития религиозных синкретических форм в верованиях коренных малочисленных народов Притомья на основе сопоставления общеисторических данных и результатов анализа материалов музейных собраний. Такая характеристика разноплановых элементов верований коренных малочисленных народов Притомья (шорцев и бачатских телеутов) предпринимается впервые. В работе анализируются собрания различных музеев России, содержащие этнографические коллекции. В них сосредоточены данные о верованиях указанных этносов, зафиксированные в среде их бытования с конца XIX по первую треть XX в.

Следует акцентировать внимание на том, что из этносов, проживающих на территории современной Кемеровской области, только шорцы и бачатские телеуты имеют статус коренных малочисленных народов Российской Федерации (Постановление..., 2000). По мнению В. М. Кимеева, к концу XIX в. уже выделились две основные группы предков современных шорцев: северная лесостепная абинская и южная горнотаежная шорско-бирюсинская, заселяющие территорию от Кузнецка до предгорий Северного Алтая. Обобщенное название

«шорцы» закрепилось в первой четверти XX в. за этническим образованием, включившим отдельные шорские роды-«сёоки» (Кимеев, 2008: 65–71). К этому времени южнее Кузнецка сформировалось этническое образование «бачатские телеуты», получившее свое название по месту их компактного расселения в долине рек Большого и Малого Бачатов.

Культурные взаимодействия в этноконтактной зоне проживания рассматриваемых двух этносов представляют интерес в контексте формирования религиозных синкретических форм. Наличие района культурного взаимодействия шорцев и бачатских телеутов было зафиксировано Л. П. Потаповым, отмечавшим, что часть телеутов «...еще в конце XVII в. продвинулась по долине Томи до г. Кузнецка, а в XVIII в. и выше его, до р. Мрассы. В указанное время и происходило смешение телеутов, оседавших в районе Кузнецка, с шорцами» (Потапов, 1948: 202). Д. А. Функ конкретизировал территории, где происходило культурное взаимодействие шорцев и бачатских телеутов: на западе – по берегам реки Кондома, на севере – в черте современного Новокузнецка, где с начала XVIII в. проживали «сёоки», вошедшие позднее в состав шорцев (улусы Абинский, Абашевский, Тётпёр / Мокроусово), и телеуты (улусы Томдор / Средне-Телеутский, Оксон / Ильинка и др.) (Функ, 2003: 10–11).

Применение термина «Притомья» для территории компактного проживания шорцев и бачатских телеутов обосновано тем, что он закрепился в научной литературе как синоним Кемеровской области в работах отечественных этнографов (Кимеев, 2008: 5–14; Арзютов, 2007: 241–242). Это обусловлено сложностью определения обобщающего наименования территории расселения этих этносов, которая до второй четверти XX в. была частью Кузнецкого уезда Томской губернии, а затем входила в состав Горно-Шорцевского района Кузнецкого округа Сибирского края, Горно-Шорского национального района Сибирского, позже Западно-Сибирского края и Новосибирской области.

Религиозный синкретизм, обусловленный природно-географическим, историко-культурным развитием региона, имел своеобразные локальные вариации у шорцев и бачатских телеутов, о чем свидетельствуют материалы музейных собраний – коллекций и архивов. Их анализ позволяет рассмотреть религиозный синкретизм народов Притомья как постепенное наложение разнородных религиозно-мифологических представлений.

Традиционные религиозные верования шорцев и бачатских телеутов представляют собой уникальный пласт культуры, ныне полностью утраченный у шорцев и частично руинированный у бачатских телеутов в естественной социокультурной среде. Овеществленные компоненты древних верований и связанных с ними культовых обрядов сохраняются преимущественно в составе коллекций в качестве музейных предметов (Кимеева, 2007: 133–161). Обследование коллекций и архивов музеев России позволило выявить бытование у шорцев и бачатских телеутов предметов, характеризующих следующие пласты религиозных верований: родовые культы, шаманизм, православие и бурханизм.

Наиболее древним пластом верований были родовые культы. Их основой являлся анимизм, связанный с одухотворением окружающих объектов (гор, воды, огня), которые олицетворялись в образе духов различных категорий: оберегающих род (семью), защищающих жилище, покровительствующих в промыслах, духов-хозяев местности, враждебных человеку духов, приносящих болезни и смерть. О более раннем происхождении родовых культов по сравнению с шаманизмом, свидетельствует тот факт, что родовые члены рода могли совершать жертвоприношения и обращаться со специальными заклинаниями к культовым предметам. Как отмечала Н. П. Дырэнкова, совершать данные действия в отношении покровителей семьи «эмегендеров» мог любой человек, умеющий обходиться с ними, чаще всего женщина (Дырэнкова, 1937: 125). Перед родами телеутская женщина обязательно отправлялась в дом родителей за «эмегендерами», покровительницами домашнего очага. Без них удачное родоразрешение считалось невозможным. К «эмегендерам» старшая женщина-родственница обращалась и во время родов, совершая подношения. Однако, камлание над роженицей при тяжелых

родах считалось более действенным средством (Каруновская, 1927: 22–24). Л. П. Потапов обратил внимание на то, что все несложные обращения к горам и жертвоприношения духам гор производились «рядовыми охотниками самостоятельно, без помощи шаманов». Однако более сложные обряды отправлялись шаманами. Этот факт, по мнению исследователя, свидетельствовал о более раннем возникновении культа гор (Потапов, 1946: 148). Таким образом, в одних обрядах соседствовали родовые культы и шаманские ритуалы, причем последние воспринимались как более эффективные.

Являясь структурно более сложным явлениям, шаманизм в своей ритуальной практике сочетал разные ранние религиозные представления (анимистические, фетишистские и магические элементы). Шаман выступал в роли посредника между уровнями мироздания, людьми и духами их населявшими. К моменту фиксации этнографами на рубеже XIX–XX вв. родовые культы и шаманизм находились в тесном переплетении. В связи с этим, зачастую, вычленение отдельных элементов не представляется возможным. По-иному обстояла ситуация с христианскими и буддийскими компонентами, интернировавшимися в религиозное сознание в результате более поздних религиозных влияний.

В материализованном виде в музейных коллекциях представлены отдельные изображения духов. Для оберегающих род духов характерно три типа воплощений: первый тип – объемная текстильная скульптура, набитая куделью; второй тип – объемные фигурки с основой в виде валика из текстиля; третий тип – объемная текстильная скульптура с деревянной цилиндрической основой.

Первый тип, характерный как для шорцев, так и для бачатских телеутов представляется наиболее древним: Н. П. Дыренковой в 1920-е гг. были зафиксированы данные о том, что наряду с куделью фигурки набивались волосами, срезанными с головы ушедшей из жизни шаманки или старшей в роду женщины. Бачатские телеуты называли такие изображения «эмегендер» (МАЭ 2079/4, МАЭ 2334/92, 2334/98). Культовые предметы первого типа у шорцев отличает вариативность наименований, которая может быть объяснена многочисленностью родов, вошедших в состав шорцев. Выделяется несколько видов объемной текстильной скульптуры в связи с их названиями: во-первых, отражающие связь с мифическим персонажем «өрөкөн», иногда в сочетании с термином «кижи» (человек); во-вторых, «кижи» в сочетании с понятиями «төр» («төр кижиге» – человек переднего угла) и «ене кижиге» (мать); в-третьих, фигурки с единичными нетипичными названиями «орокондор», зафиксированные А. В. Анохиным в 1914 г. в улусе Осинники (МАЭ 2334/66/1-6). Относительно данного типа родовых духов Л. П. Потаповым в ходе более чем двухмесячной экспедиции 1934 г. в Северную Шорию была записана легенда об «өрөкөн» (старухе), которая была сильной шаманкой. Предпринятые ею попытки жертвоприношения «ульгену» привели к гневу могущественного духа, так как женщинам не были дозволены камлания духам такого ранга. Наказанием для «өрөкөн» было переселение ее под землю. При этом ей удалось выбраться из подземного заключения и поселиться среди телеутов, проживающих в долине рек Большого и Малого Бачатов. Северными шорцами устраивались жертвоприношения в виде пищи для духа «өрөкөн», который носил у них также наименование «ене-кижиге», по причине проникновения этого духа к шорцам от бачатских телеутов «через замужество, торговлю и т.д.» и вмешательство в жизнь охотников (Потапов, 1936: 40). Данная легенда является подтверждением взаимодействий шорцев и бачатских телеутов в области родовых верований.

Второй тип изображений домашних духов с основой из текстильного валика свойственен шорцам так же, как и бачатским телеутам. Отличие зафиксировано только во внешнем их оформлении: на холщевой обертке телеутских «эмегендеров» обозначены глаза из перламутровых бусин, прорисованы охрой нос и брови; у шорских «төр кижиге» кроме глаз-бисеринок вышиваются нос, рот, сережки из узелков ниток (МАЭ 3645/11/1-2, 5073/15/1-2, 5073/16/1-2, 5073/18/1-2, 5073/20/1-4).

Третий тип материального воплощения духов-семейных покровителей с основой из цилиндрического деревянного обрубка, свойственен только шорцам. Они зафиксированы под названием «төр-кижи/кижилер» (МАЭ 3645/9/1-4, 5073/13/1-4, 5073/14/1-3, 6025/68/1-2; МАЭС ТГУ 6025/68/1-2; 6025/70/1-2, 6025/71/1-2; 6025/75/1-2).

Изображения семейных покровителей с нетипичными единичными названиями отражают все три типа текстильных изображений шорцев. Среди них собирателями в первой четверти XX в. зафиксированы названия духов, позволяющие предположить проявление синкретизма на основе взаимодействия родовых культов и бурханизма. Таким является обнаруженный А. К. Ивановым в улусе Мыски в 1925 г. «арыг тегри», в переводе означающий «чистое небо» (Шор казак пазхок..., 1993: 17, 53). Термин «тегри» отмечен и в названии мифических персонажей на изображениях шаманских бубнов. Так, дух-помощник шамана на бубне северных шорцев носит имя «шор тегри». При этом он считается главой всех духов – добрых «пайана» и злых «айна» (Алексеев, 1984: 89).

Сопоставляя данные музейных собраний и общеисторическую информацию, стоит заметить, что рассматриваемые этносы находились на периферии интенсивных конфессиональных процессов, разворачивающихся на юге Западной Сибири, центром которых являлся Алтай. Вторая половина XIX – первая треть XX в. стала периодом роста проповеднической активности направлений мировых религий: особенно интенсивно – православного христианства и северного буддизма. Столкнувшись с противодействием со стороны Алтайской духовной миссии и местных властей, буддийские адепты распространяли свое вероучение посредством включения его элементов в структуру автохтонных синкретических представлений. В результате на юге Западной Сибири в начале XX в. северный буддизм проявился в бурханистском движении. Последний имел несколько локальных вариаций. Влияние бурханизма на телеутов зафиксировал и подробно описал А. В. Анохин, позже дополнил А. Г. Данилин. В телеутском варианте появились общие черты бурханистского движения: ожидание пришествия божественного посланника, призыв к замене прежних верований и обрядов на новые, осуждение поклонения темным духам, отказ от предметов русского происхождения (СПФ АРАН. Ф. 135. Оп. 2. Д. 101. Л. 1–3 об., 62–90 об.). Вместе с тем, в телеутском бурханизме были свои особенности, основной из которых являлась – сохранение значительного влияния шаманизма (Батьянова, 2005: 75–76).

Проявления религиозного синкретизма предположительно возникли уже на стадии формирования шаманского культа, включившего в себя более древние по происхождению родовые культы. Например, для бачатских телеутов свойственно было дополнять изображения «эмегендеров» миниатюрными бубнами «чалулар» с целью показать причастность умерших предков по женской линии к шаманизму. «Чалулар» изготавливались схематично в виде небольшого согнутого обруча из дранки с вертикальной поперечиной (рукоятью) и привязанной бечевкой колотушкой. В редких случаях «чалулар» тщательностью своего изготовления копировали настоящие шаманские бубны.

Собирателями зафиксированы у бачатских телеутов изображения «енекелер» в виде четырехугольных лоскутов ткани с прорисовкой на них охрой личин почитаемых духов с пришитыми ниже лоскутами ткани (МАЭЭС 17а/98-99; МЗТП 108). По одним сведениям, они олицетворяли «дочерей ульгения», по другим – являлись матерями «эмегендеров» (Иванов, 1979: 42–54). Подобных изображений в шорских коллекциях не выявлено. Имело ли отношение происхождение плоскостных изображений «енекелер» к четырехугольным лоскутам ткани, символизирующих «яиков» в бурханизме, сказать трудно.

«Ак-яик» (белый яик) и «сыры-яик» (желтый яик), почитаемые бурханистами, олицетворялись в виде четырехугольных лоскутов ткани, входящих в комплект основополагающих элементов иконографии бурханистов. В описании «ак-яика» из коллекции Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого сборов А. Г. Данилина 1920-х гг. имеются сведения о том, что они прикреплены вместе с полосками желтой, белой и красной ткани к длинной горизонтально

укрепленной веревке из конского волоса (МАЭ 3973-87). В центральной части такой гирлянды «яйки» дополнялись двумя парами длинных шнурков из позумента или цветных нитей (Дьяконова, 2010: 215).

Дополнения к иконографии бурханизма в предметах, представленных в музейных коллекциях, свидетельствуют о наличии картины религиозного синкретизма. «Ак-яйки» из собрания МАЭ дополнены атрибутами, характеризующими родовые культы и шаманизм: к волосистой горизонтальной веревке, кроме лент и лоскутов ткани подвешивались модели берестяной колыбели и лучка со стрелой, символизирующих покровительствующей деторождению Умай, модель деревянной колотушки – символа шаманского камлания (МАЭ 5064-18, 19, 24). «Сарыяйик» в своем составе среди содержит ритуальное культовое покрывало «кӱжӱгӱ» – элемент свадебного телеутского обряда, связанного с почитанием духов «пайана» и культовым жертвенником «сом» (МАЭ 5064-29). «Сом» – культовое сооружение из семи–девяти молодых берез, устраиваемое бачатскими телеутами рядом с жилищем в укромном месте двора. Каждая из берез жертвенника посвящалась определенному духу, при этом последняя предназначалась злему духу и к ее стволу подвизывался тусок с жертвенным зерном.

В собраниях музеев России, в частности в архиве Новокузнецкого краеведческого музея имеются материалы, характеризующие традиционный обряд бачатских телеутов «шуан кадачизы», связанный с «сом» и направленный на защиту скота, а также распространение данного обряда в результате межкультурного взаимодействия у шорцев, проживавших на соседних территориях. К. А. Евреинову удалось зафиксировать обряд, совершаемый при первом выгоне скота на поля. Обряд заключался в установке с восточной стороны жилища жертвенника «сом» из одной–двух березок, на которые повязывались ленты трех цветов (красного, белого и синего). Обряд включал в себя несколько религиозных пластов: ориентацию на почитание родовых духов с обязательным сопровождением камланием; жертвоприношением барана, кости и мясо которого бросали в водоемы с целью задобрить духов-хозяев; просьбой кама к духам о защите скота от болезней.

В описании обряда К. А. Евреиновым не зафиксирован акт кропления на жертвенник напитком на молочной основе, однако данный обрядовый элемент находит отражение в его зарисовках, фиксируется другими этнографами (Кацуба, 1993: 107; Функ, 1993: 211). Наличие данного обрядового элемента свидетельствует о влиянии бурханизма на обрядовую культуру бачатских телеутов, а также о заимствовании данных элементов шорцами, проживавшими в лесостепной зоне (Архив НКМ. Д. 6. Оп. 1. Л. 1).

Влияние на обрядовую культуру коренных народов Притомья оказало также православие, принимаемое шорцами и бачатскими телеутами в ходе деятельности Алтайской духовной миссии. Особую роль в распространении православия сыграло создание в конце 1850-х гг. Кузнецкого отделения миссии с центром в улусе Кузедеевском, а затем – образование на рубеже 1870–1880-х гг. миссионерских станов в шорском поселке Усть-Анзас (Арзютов, 2007: 245) и в улусе Челухоевском бачатских телеутов (Тресвятский, 2013: 212). Миссионерское воздействие на шорцев осложнялось удаленностью и труднодоступностью их поселений в разные времена года, следовательно, укоренению православия препятствовала эпизодичность проповедей и проблематичность в усвоении концептуальных христианских постулатов обыденным религиозным сознанием. Вместе с тем, эти обстоятельства способствовали религиозному синкретизму. В. И. Вербицкий констатировал одновременное отправление христианских и языческих обрядов, восприятие только внешней стороны вероучения без понимания его сути (Вербицкий, 2008: 39).

Д. В. Арзютов утверждает, что «восприятие мифологических образов шло только при определенных условиях: совпадении хозяйственной деятельности и наличия общего понимания явления» (Арзютов, 2007: 245). Это замечание подтверждается материалами музейных собраний и полевыми этнографическими материалами, которые свидетельствуют о том, что традиционные сезонные обряды были приурочены к православному календарю. Так, обряд уста-

новки жертвенника «сом» у телеутов был приурочен к православному празднику Троица, во-брав в себя элементы «народной» веры русского населения. Примечательно, что данный обряд воспроизводится в настоящее время (Орлова, Челухоев, 2017: 101).

Полевые исследования показывают, что у шорцев, проживавших в горнотаежной местности, на Троицу также ставились березки во дворе, однако данный обряд никак не связывался с защитой скота, а также не принято было кропить на данный жертвенник. В культуру бачатских телеутов проникла традиция устраивать колядования и ряженье на Святки (ПМА Глушковой). В коллекциях Алтайского краевого краеведческого музея и Историко-этнографического музея «Чолкой» имеются специальные мешочки, декорированные в технике лоскутной мозаики, используемые для колядования «колѡдо» (ИЭМЧ 148, 148а). Традиция рядиться также существовала у шорцев до 1980-х гг., как показывают полевые исследования. Кроме того, в шорской коллекции МАЭ, наряду с берестяными масками «коча» для их использования в сезонном обряде «коча кан» зафиксированы маски «чертэй», которые могли применяться как элементы ряжения (МАЭ 5073-8). До настоящего времени фрагментарно сохраняется традиция вырубать «иордани» на Крещение, а также изображать кресты в жилище, на хозяйственных постройках, что свидетельствует о распространении элементов «народной» веры русских.

Таким образом, религиозный синкретизм находит проявление в родовых культурах, когда в названии предметов, отражающих данное явление, закрепляются наименования, не свойственные ранней культовой практике шорцев («арыг-тенгри»). Анализ музейных коллекций подтверждает факт того, что под влиянием распространения северного буддизма продолжалось формирование синкретичного комплекса религиозных верований, что отразилось в бурханстве народов Саяно-Алтая. Хотя у коренных малочисленных народов Притомья бурханство не приняло четко организованной формы и не стало самостоятельным религиозным направлением, однако его фрагментарные отражения представлены в культуре бачатских телеутов и северных шорцев. Отдельные сезонные обряды коренных малочисленных народов Притомья наслоились на православные праздники, что в большей мере свойственно бачатским телеутам, у них при этом наблюдаются достаточно сложные синкретические явления, как с обрядами, связанными с культовым жертвенником «сом», с которым, с одной стороны, связано влияние бурханства (кропление молоком), с другой – православия (приурочивание установления жертвенника к Троице).

Список сокращений:

СПФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук.

ИЭМЧ – Историко-этнографический музей «Чолкой».

МАЭ – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук.

МАЭС ТГУ – Музей археологии и этнографии Сибири им. В. М. Флоринского Томского государственного университета.

МАЭЭС – Музей «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета.

НКМ – Новокузнецкий краеведческий музей.

ПМА – полевой материал автора.

Список литературы:

Алексеев Н. А. Шаманизм тюркоязычных народов Сибири. – Новосибирск: Наука, 1984. – 233 с.

Арзютов Д. В. Христианизация шорцев и северных алтайцев: церковно-государственная стратегия и этнокультурная реальность // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. – 2007. – Вып. 1. – С. 240–246.

Батьянова Е. П. Телеутская версия бурханства // Этнографическое обозрение. – 2005. – № 4. – С. 70–85.

Вербицкий В. И. Записки миссионера Кузнецкого отделения Алтайской духовной миссии / сост. И. Кропачев. – Новокузнецк: Сретение, 2008. – 372 с.

Гаерилова Ю. В. Причины формирования религиозных синкретических систем // Вестник Бурятского государственного университета. – 2015. – № 6. – С. 14–18.

- Дыренкова Н. П.** Пережитки идеологии материнского рода у алтайских тюрков (духи emegender – örökpenner) // Памяти В. Г. Богораза (1865–1936). – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. – С. 123–145.
- Дьяконова В. П.** Персонажи пантеона бурханистов Алтая // Сибирский сборник-2. К юбилею Евгении Алексеевны Алексеенко. – СПб.: МАЭ РАН, 2010. – С. 210–223.
- Иванов С. В.** Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар XVIII – первая четверть XX вв. – Л.: Наука, 1979. – 194 с.
- Каруновкая Л. Э.** Из алтайских верований и обрядов, связанных с ребенком // Сборник Музея антропологии и этнографии. – Л.: Изд-во АН СССР, 1927. – Т. 6. – С. 19–36.
- Кацюба Д. В.** Духовная культура телеутов. – Кемерово: [б. и.], 1993. – 191 с.
- Кимеев В. М.** Экомужеи Притомья в постиндустриальном обществе: генезис, архитектоника, функции. – Томск: Изд-во Томского государственного педагогического университета, 2008. – 452 с.
- Кимеева Т. И.** Культура народов Притомья как результат межэтнического взаимодействия (конец XIX – начало XX в.). – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2007. – 295 с.
- Латышев Д. М.** Религиозный синкретизм: основные условия и причины возникновения // Философия в XXI веке: вызовы, ценности, перспективы. – Екатеринбург: Макс-Инфо, 2016. – С. 299–303.
- Орлова Е. А., Челухоев В. В.** Символическое значение некоторых предметов домашнего обихода в традиционной культуре телеутов // Вестник Томского государственного университета. История. – 2017. – № 45. – С. 99–105.
- Педро Ю. В.** Двоеверие и религиозный синкретизм как составляющие религиозно-исторического процесса // Знание. Понимание. Умение. – 2013. – № 3. – С. 293–296.
- Постановление Правительства РФ от 24.03.2000 № 255 (ред. от 25.08.2015) «О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации» // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_26631/. Дата обращения: 01.06.2018.
- Потанов Л. П.** Культ гор на Алтае // Советская этнография. – 1946. – № 2. – С. 145–160.
- Потанов Л. П.** Очерки по истории Шории. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – 260 с.
- Потанов Л. П.** Рецензия на: Дыренкова Н. П. Шорский фольклор. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. – 448 с. // Советская этнография. – 1948. – № 3. – С. 198–203.
- Тресвятский Л. А.** Православие на Кузнецкой земле в дореволюционный период. – Новокузнецк: МАОУ ДПО ИПК, 2013. – 267 с.
- Функ Д. А.** Бачатские телеуты в XVIII – первой четверти XX в.: историко-этнографическое исследование. – М.: ИЭА РАН, 1993. – 325 с.
- Функ Д. А.** Шаманская и эпическая традиции тюрков юга Западной Сибири: Историко-этнографическое исследование телеутских и шорских материалов второй половины XIX – начала XXI вв.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2003. – 50 с.
- Хомушку О. М.** Религиозные традиции народов Саяно-Алтая как фактор формирования этноэкологической культуры // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 6 (43). – С. 489–492.
- Шор казак пазок казак шор үргедик сөстүк: шорско-русский и русско-шорский словарь / сост. Н. А. Курпешко-Ганнагашева, Ф. Я. Апонькин. – Кемерово: Кемеровское книжное изд-во, 1993. – 149 с.

Кимеева Татьяна Ивановна, кандидат культурологии, доцент.

Кемеровский государственный институт культуры.

Ул. Ворошилова, 17, Кемерово, Россия, 650056.

E-mail: tat-kimeeva@mail.ru

Насонов Александр Александрович, кандидат исторических наук, доцент.

Кемеровский государственный институт культуры.

Ул. Ворошилова, 17, Кемерово, Россия, 650055.

E-mail: nas.kemgik@gmail.com

Глушкова Полина Валерьевна, кандидат культурологии, доцент.

Кемеровский государственный институт культуры.

Ул. Ворошилова, 17, Кемерово, Россия, 650056.

E-mail: polina-glushkova@mail.ru

Материал поступил в редакцию 5 июня 2018 г.

T. I. Kimeeva, A. A. Nasonov, P. V. Glushkova

RELIGIOUS SYNCRETISM IN THE TRANS-TOM INDIGENOUS PEOPLE IN INTERDISCIPLINARY CONTEXT

The article compares the data of historical studies and the analysis of the museum collections and archives on religious syncretism in the beliefs of minority indigenous peoples of the Trans-Tom region (Shors and Bachat Teleuts). The empirical base of the study comprises the museum collections of St. Petersburg, Kemerovo, Tomsk, Novokuznetsk and others cities. The study deals with problems of interaction of animistic beliefs, shamanic cult, Orthodoxy and Burkhanism in the context of an interdisciplinary approach, relying on the methods of macro- and micro-analysis. The article highlights peculiarities of religious syncretism through generalization of research approaches to understanding the phenomenon of religious syncretism. Authors substantiate the use of the term “The Trans-Tom region” for the territory of the compact settlement of the Shors and Bachat Teleut people. Basing on the historical-genetic method, the sequence and degree of influence of the components of world religions on the traditional religious consciousness are traced. New sources (museum collections and archives) are being introduced into scientific circulation, all characterized as manifestations of religious syncretism. We conclude that local religious syncretic forms combine Christian and Burkhanistic constituent elements. These forms are more typical for Bachat Teleuts. The study also posits that during the intercultural interaction of the northern Shors and Bachat Teleuts, certain elements of the Burkhanist rites were introduced.

Key words: *religious syncretism, interconfessional interaction, traditional cults, ritual, animism, shamanism, Orthodoxy, Burkhanism, museum collections, Shors, Bachat Teleuts.*

References:

- Alekseev N. A.** Shamanizm tyurkoyazychnyh narodov Sibiri [Shamanism of Turkic-speaking Peoples of Siberia]. – Novosibirsk: Nauka, 1984. – 233 p. (in Russian)
- Arzyutov D. V.** Hristianizatsiya shorcev i severnyh altajcev: cerkovno-gosudarstvennaya strategiya i ehtnokulturnaya realnost [Christianization of Shors and Northern Altaians: Church-State Strategy and Ethno-Cultural Reality]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 2. Istoriya. [Vestnik of Saint Petersburg University. History]. – 2007. – Vol. 1. – P. 240–246. (in Russian)
- Batyanova E. P.** Teleutskaya versiya burhanizma [The Teleut Version of Burkhanism]. Ehtnograficheskoe obozrenie [Ethnographic Review]. – 2005. – Vol. 4. – P. 70–85. (in Russian)
- Verbickij V. I.** Zapiski missionera Kuzneckogo otdeleniya Altajskoj duhovnoj missii [Notes of the missionary of the Kuznetsk branch of the Altai spiritual mission] / sost. I. Kropochev. – Novokuzneck: Sretenie, 2008. – 372 p. (in Russian)
- Gavrilova Yu. V.** Prichiny formirovaniya religioznyh sinkreticheskikh system [Causes of the Formation of Religious Syncretic Systems] // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta [The Buryat State University Bulletin]. – 2015. – Vol. 6. – P. 14–18. (in Russian)
- Dyrenkova N. P.** Perezhitki ideologii materinskogo roda u altajskih tyurkov (duhi emegender – orokenner) [Relics of the Ideology of the Maternal Family in the Altai Turks (spirits emegender – orokenner)]. Pamyati V. G. Bogoraza (1865–1936) [In Memory of V. G. Bogoraz (1865–1936)]. – Moscow, Leningrad: AN SSSR Publ., 1937. – P. 123–145. (in Russian)
- Dyakonova V. P.** Personazhi panteona burhanistov Altaya [Persons of the Pantheon of Burkhanists of Altai]. Sibirskij sbornik-2. K yubileyu Evgenii Alekseevny Alekseenko [The Siberian digest-2. To the Jubilee of Evgenia Alexeevna Alekseenko]. – S-Peterburg: MAE RAN Publ., 2010. – P. 210–223. (in Russian)
- Ivanov S. V.** Skulptura altajcev, hakasov i sibirskih tatar XVIII – pervaya chetvert XX vv. [Sculpture of Altai, Khakass and Siberian Tatars of XVIII – the First Quarter of XX Century]. – Leningrad: Nauka, 1979. – 194 p. (in Russian)
- Karunovkaya L. E.** Iz altajskih verovanij i obyadov, svyazannyh s rebenkom [From Altai Beliefs and Ceremonies Associated with the Child]. Sbornik Muzeya antropologii i ehtnografii [Digest of the Museum of Anthropology and Ethnography]. – Leningrad: AN SSSR Publ., 1927. – Vol. 6. – P. 19–36. (in Russian)
- Kacyuba D. V.** Duhovnaya kultura teleutov [Spiritual Culture of Teleuts]. – Kemerovo, 1993. – 191 p. (in Russian)
- Kimeev V. M.** Ekomuzei Pritomya v postindustrialnom obshchestve: genesis, arhitektonika, funkcii [Ecomuseums Pritome in Post-Industrial Society: Genesis, Architectonics, Functions]. – Tomsk: TSPU Publ., 2008. – 452 p. (in Russian)

Kimeeva T. I. Kultura narodov Pritomya kak rezultat mezhehtnicheskogo vzaimodejstviya (konec XIX – nachalo XX v.) [The Culture of the Peoples of Pritome as Result of Interethnic Interaction (the End of XIX – the Beginning of XX Century)]. – Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2007. – 295 p. (in Russian)

Latyshev D. M. Religioznyj sinkretizm: osnovnye usloviya i prichiny voznikoveniya [Religious Syncretism: Basic Conditions and Causes] // *Filosofiya v XXI veke: vyzovy, cennosti, perspektivy* [Philosophy in the XXI Century: Challenges, Values, Prospects]. – Ekaterinburg: Maks-Info, 2016. – P. 299–303. (in Russian)

Orlova E. A., Cheluhoev V. V. Simvolicheskoe znachenie nekotoryh predmetov domashnego obihoda v tradicionnoj kul'ture teleutov [The Symbolic Significance of Some Household Items in the Traditional Culture of Teleuts] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. / Istorija* [Tomsk State University of History]. – 2017. – Vol. 45. – P. 99–105. (in Russian)

Pedro Yu. V. Dvoeverie i religioznyj sinkretizm kak sostavlyayushchie religiozno-istoricheskogo processa [Dual Faith and Religious Syncretism as Components of Religious and Historical Process]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill]. – 2013. – Vol. 3. – P. 293–296. (in Russian)

Postanovlenie Pravitelstva RF ot 24.03.2000 # 255 (redaktsiya ot 25.08.2015) "O Edinom perechne korennyh malochislennyh narodov Rossijskoj Federacii" [Decree of the Government of Russian Federation to 24.03.2000 # 255 (redaction to 25.08.2015)]. Oficialnyj sajt kompanii "Konsultantplyus" [Official Site of the Company "ConsultantPlus"]. – URL: http://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_26631/. (in Russian)

Potapov L. P. Kul't gor na Altae [The Cult of the Mountains in the Altai]. *Sovetskaya ehtnografiya* [Soviet Ethnography]. – 1946. – Vol. 2. – P. 145–160. (in Russian)

Potapov L. P. Ocherki po istorii Shorii [Essays on the History of Shoria]. – Moscow, Leningrad: AN SSSR Publ., 1936. – 260 p. (in Russian)

Potapov L. P. Recenziya na: Dyrenkova N. P. Shorskij folklor. – M.; L.: Izd-vo AN SSSR. – 1940. – 448 s. [Review of Dyrenkova N. P. Shorian folklore. – Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ.]. *Sovetskaya ehtnografiya* [Soviet Ethnography]. – 1948. – Vol. 3. – P. 198–203. (in Russian)

Tresvyatskij L. A. Pravoslavie na Kuzneckoj zemle v dorevoljucionnyj period [Orthodoxy on the Kuznetsk Land in the Pre-Revolutionary Period]. – Novokuzneck: MAOU DPO IPK, 2013. – 267 p. (in Russian)

Funk D. A. Bachatskie teleuty v XVIII – pervoj chetverti XX veka: istoriko-ehtnograficheskoe issledovanie [Bachat Teleuts in the XVIII – the First Quarter of the XX Century: Historical and Ethnographic Research]. – Moscow: IEA RAN, 1993. – 325 p. (in Russian)

Funk D. A. Shamanskaya i ehpicheskaya tradicii tyurkov yuga Zapadnoj Sibiri: Istoriko-ehtnograficheskoe issledovanie teleutskih i shorskih materialov vtoroj poloviny XIX – nachala XXI vv. [Shamanic and Epic Traditions of the Turks in the South of Western Siberia: Historical and Ethnographic Study of Teleut and Shor Materials of the Second Half of the XIX – the Beginning of the XXI Century]: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk. – Moscow, 2003. – 50 p. (in Russian)

Homushku O. M. Religioznye tradicii narodov Sayano-Altaya kak faktor formirovaniya ehtnoekologicheskoy kul'tury [Religious Traditions of Peoples of the Sayano-Altai as Factor in the Formation of Ethnoecological Culture]. *Mir nauka, kul'tury, obrazovaniya* [The World of Science, Culture and Education]. – 2013. – Vol. 6 (43). – P. 489–492. (in Russian)

Shor kazak pazok kazak shor urgedik sostuk: shorsko-russkij i russko-shorskij slovar [Shor kazak pazok kazak shor urgedik sostuk: Shorsky-Russian and Russian-Shorsky Dictionary]. sost. N. A. Kurpeshko-Tannagasheva, F. Ya. Aponkin. – Kemerovo: Kemerovo Book. Publ., 1993. – 149 p. (in Russian, in Shorian)

Kimeeva Tatiana Ivanovna, Candidate of Culturology, Senior Lecture.

Kemerovo State University of Culture.

Ul. Voroshilova, 17, Kemerovo, Russia, 650056.

E-mail: tat-kimeeva@mail.ru

Nasonov Alexandr Alexandrovich, Candidate of History Sciences, Senior Lecture.

Kemerovo State University of Culture.

Ul. Voroshilova, 17, Kemerovo, Russia, 650056.

E-mail: nas.kemgik@gmail.com

Glushkova Polina Valerievna, Candidate of Culturology, Senior Lecture.

Kemerovo State University of Culture.

Ul. Voroshilova, 17, Kemerovo, Russia, 650056.

E-mail: polina-glushkova@mail.ru